Задача – сократить количество обездоленных детей к 2010 году вдвое – выполнима

СИРОТСКИЙ ВОПРОС

БОЛЬШЕ ДВУХ ЛЕТ детские дома и интернаты находятся в ведении министерства социальных отношений области.

За это время преобразился облик многих домов для сирот. Директорам не нужно ломать голову, как на ограниченные деньги и накормить детей, и отремонтировать помещения. Чтоб и пожарная сигнализация была по стандартам, и на технику, и на поход в театр, и оздоровление хватило. При такой поддержке город по-прежнему не остается в стороне, стало легче попечителям. Если несколько лет назад руководители сиротских учреждений на вопрос, что им надо, отвечали спонсорам: «Мы во всем нуждаемся», то сейчас просят целенаправленно.

Однако, какими бы ни были условия в детдомах, они не заменят семейной жизни, пусть даже в самой скромной обстановке. Выпускники-сироты по-прежнему к самостоятельной жизни не подготовлены. Хвала тем, кто выбивается в люди, обзаводится семьями. Но не секрет, что значительная часть ребят, воспитывавшихся в госучреждениях, идет по пути воровства, проституции, алкоголизма, бродяжничества, попадает в так называемое трудовое и даже сексуальное рабство.

Больше года назад государство посчитало необходимым не только заботиться о жизни обездоленных в детдомах и интернатах, но и материально поддерживать родителей, которые хотят взять чужого ребенка в свою семью. Вслед за этим решением президент объявил нынешний год, проходящим под знаком семейных ценностей. Смогут ли все эти меры сократить количество детей, брошенных родителями или по несчастью ставшихся круглыми сиротами? Об этом беседа с **министром социальных отношений области Надеждой ГАРТМАН и начальником отдела организации работы по опеке и попечительству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, Анной ШМЕЛЕВОЙ.**

– В своем «послании-2007» губернатор поставил задачу снизить количество сирот в госучреждениях области к 2010 году наполовину. Осталось меньше двух лет...

Н. Гартман:

– Думаю, вдвое – это реально. Но не больше. По сравнению с прошлым годом у нас сейчас меньше ребятишек проживает в детских домах, мы разгружаем госучреждения. Но более 60 процентов детей, оставшихся без попечения родителей, имеют аномалии в развитии: задержки, нарушения психического или умственного развития, физические дефекты. А в органы опеки россияне обращаются преимущественно за здоровыми детьми. Есть редкие случаи, когда наши усыновители берут детей с незначительными отклонениями, в основном же их увозят иностранцы. Поэтому любому региону нашей страны нереально полностью уйти от детских домов. Можно при одном условии – поместить оставшихся в больницы или специнтернаты, завуалировать проблему и сказать, что детских домов у нас нет.

– А как справляться с половиной относительно здоровых?

– Два года назад с переводом детдомов из образования в соцзащиту количество детей, устроенных в семьи, увеличилось с 1810 в 2005-м до 3506 в прошлом. Этому способствует как развитие существовавших форм устройства в семью – опеки и усыновления, так и появившихся сравнительно недавно – социально-семейных групп, приемных семей. Однако, по последним данным, граждане чаще всего выбирают опеку, хотя для ребенка предпочтительнее усыновление. Почему все наоборот? Потому что при усыновлении ребенок теряет статус сироты и теряет существенные льготы: право на бесплатное жилье, если такое не было закреплено за ним, поступление на льготной основе в вузы и другие. Поэтому даже если ребенка хотят усыновить, то не торопятся это делать, и получается, что ребенок остается не своим в этой семье, как бы к нему не относились. Сейчас мы вышли с предложением к губернатору сохранить часть льгот для усыновленных. Чтобы, например, четыре тысячи, которые ежемесячно выплачивают на опекаемого ребенка, получали бы и усыновители. Кто боится раскрыть тайну усыновления, может получить единоразовое пособие. Другие родители могут откладывать эту сумму на ребенка до его совершеннолетия. Губернатор принял наши предложения. Это первый шаг к поддержке усыновителей. Следующим, скорее всего, станет сохранение сиротской льготы по жилью, хотя бы в пределах социальной нормы – 18 квадратных метров на человека.

Министр Надежда Гартман

Облик детских домов сегодня преобразился

– Поговорим о приемной семье. Знаю, насколько долго и хлопотно оформление, хотя материальная поддержка этой формы значительна. Сначала выдают длинный список необходимых документов, начиная от справок о жилье, характеристик соседей, медобследования, сведений о зарплате и отсутствии судимости. Потом объясняют: «Все эти документы проверят в Челябинске, затем они вернутся в местные органы опеки, и через три-четыре месяца вы станете кандидатом, после чего вам можно будет начать подбирать ребенка». Не все готовы выдержать это. Куда проще патронат. Фактически он мало чем отличается от приемной семьи, но легче в процедуре оформления. Патронат выбирают тысячи россиян в стране. Телевидение показывает сюжеты, как закрываются некоторые сиротские дома, потому что детей разобрали патронатные родители. Однако на Южном Урале органы опеки вынуждены отвечать кандидатам: «Не принят в области такой закон, не работает у нас патронат». Почему?

Н. Гартман:

– Понятно, что никому не нравятся бюрократические проволочки, очереди в разные кабинеты за справками. Но ребенка берут в семью чужие для него люди. Разве названные вами документы – лишние, а проверки – не во благо малыша? Чтоб ответственные люди убедились – его семейная жизнь не станет хуже детдомовской. И потом – взять любое дело, когда мы отдали ребенка на воспитание. Не успеем его закрыть, как приходит прокуратура: все ли мы соблюли и почему вот тут две десятых метра не хватает по нормам, а ребенок в семье?

А. Шмелева:

– Добавлю. Если взглянуть на статистику: там, где развиваются патронатные формы, процент возврата детей в сиротские учреждения достигает порой 50 процентов. Так происходит в Московской области. Два года назад на Южном Урале в детдома из семей возвращался каждый десятый. Мы добились того, что за прошлый год это количество снизилось до трех-четырех процентов – 133 ребенка. Почему наши специалисты не сторонники патроната? Быстрота оформления документов удобна, в первую очередь, для родителя. Теперь давайте посмотрим на эту ситуацию глазами ребенка. Его когда-то забрали из семьи, навязали мнение, что папа-мама плохие, хотя родители в его понимании – лучшие на свете. Он пережил колоссальный стресс. Ему надо адаптироваться в сиротском учреждении и найти свою нишу. Но вот специалисты подбирают для него семью. Снова стресс – он должен поверить людям, привыкнуть к ним, научиться им доверять. Едва он это пережил, вдруг наступает страшная вещь – ребенка обратно помещают в учреждение. Поверит ли он еще кому-нибудь после этого? Я считаю – если идти по простой форме, мы, в первую очередь, рискуем навредить ребенку.

Кроме того, чтобы сократить возвраты до минимума, год назад мы пошли по пути еще более пристального внимания к устройству детей в семьи, открыв школу приемных родителей. Чтобы проверить готовность людей к этому шагу и мотивы, которые ими движут, помочь справиться с проблемами в воспитании. Кстати, такая школа работает в Магнитогорске.

Н. Гартман:

– Своеобразной формой патроната можно назвать в области лишь семейно-воспитательные группы или социальный патронат. Таких групп на Южном Урале за два года появилось около пятидесяти, и это не противоречит нормам Семейного кодекса Российской Федерации. Чаще всего ребенок попадает в такую группу, когда у него нет статуса сироты, папа-мама не лишены прав, когда рассматривается вопрос – не будет ли стрессом помещать его в госучреждение. Что это за группа? Человека оформляют в детский дом либо приют воспитателем, и на одну ставку он может принять в свою семью троих детей. Дети числятся за учреждением, но живут у воспитателя. Человек получает за это заработную плату и полное гособеспечение на ребенка, как если бы тот жил в детдоме. Контроль за условиями проживания осуществляют детский дом и органы опеки.

– Слышала, что в Башкортостане практически не осталось сирот. После объявленной в 2007 году материальной поддержки опекунов, усыновителей, приемных и патронатных родителей там якобы разобрали всех сирот.

А. Шмелева:

– Я вчера разговаривала с региональным оператором по Башкирии – сироты у них есть и госучреждения для сирот тоже остались. Более того, одно время к нам начали ездить граждане этой республики с целью взять детей в семью. Мы рады были такому сотрудничеству и пошли навстречу, отпуская сирот в башкирские семьи. Потом решили проверить, как устроились там наши дети. Большинство живут в хороших условиях, однако несколько детей органы опеки были вынуждены забрать. Как мне заявили специалисты: «Анна Александровна, мы ребенка из таких непростых условий забрали, чтобы он не видел плохого, а он попал не в лучшие...» Ведь вопрос в чем: на что мы работаем: на количество или на качество? Сейчас с Республикой Башкортостан область работает, но очень осторожно.

– Что с иностранными усыновителями? Думаю, их количество снизилось по сравнению с прошлыми годами не только в Магнитке?

Н. Гартман:

– Мы очень жестко поставили работу с ними, определив: наши дети должны оставаться в России, если на ребенка есть российский и иностранный усыновитель, предпочтение – соотечественникам. Мы не отвергаем иностранного усыновления, но в основном это касается тех случаев, когда ребенку с аномалиями в развитии будет лучше в благополучной Европе. Иностранцы намного легче берут таких детей. Сейчас работаем с семью зарубежными агентствами, в прошлом году их было 19. Как и раньше, контролируем, как проходит адаптация ребенка, собираем отчеты. Но за два года мы смогли переломить тенденцию, когда иностранного усыновления было больше российского, причем на Запад уезжали лучшие дети.

ЛЮДМИЛА БОРЮШКИНА.
Челябинск-Магнитогорск.
Фото из архива министерства социальных отношений.